

Петров А. В.,

доктор філологічних наук, професор кафедри російського, слов'янського і загального мовознавства Таврицького національного університету імені В. І. Вернадського

ФРАГМЕНТ ТЕКСТОВОГО СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ С ИНВАРИАНТОМ «ЛИШИТЬ ЖИЗНИ КОГО»

(на матеріалі произведения

А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ»)

Аннотация. В статье на материале текста А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» смоделирован фрагмент семантического поля с инвариантом «лишить жизни кого», представленный зоной объекта. В актантную зону входят языковые единицы вторичной номинации кролик, стадо, помол, пачка, пушечное мясо и др.

Ключевые слова: текстовое семантическое поле, зона объекта, единицы вторичной номинации, семантическое осложнение слова, авторское словоупотребление.

Постановка проблемы. В лингвистике всё большее распространение получает полевая модель системы языка. Теория поля находит первоначальное развитие в трудах немецких языковедов – Й. Трира, Л. Вайсгербера, Г. Ипсена, Р. Мейера, В. Порцига и др. В настоящее время накоплен достаточно богатый опыт в моделировании семантических полей (В. П. Абрамов, А. В. Бондарко, М. В. Всеволодова, Р. М. Гайсина, В. Н. Денисенко, С. А. Жаботинская, Ю. Н. Караулов, Н. Ф. Клименко, А. М. Кузнецов, Е. Л. Ляпичева, В. П. Мусиенко, Е. А. Половинко, З. Д. Попова, Т. В. Симашко, И. А. Стернин и др.). В связи с чем, отмечает Л. А. Новиков, обострился интерес учёных к текстовому семантическому полю (далее ТСП): «...возникает проблема определения и исследования семантического поля как текстовой структуры» [1, с. 556]. Учёный выделил основные направления в изучении текстового семантического поля [1, с. 556–557].

Анализ публикаций. М. Л. Новикова, характеризую специфику ТСП, отмечает, что оно «менее определённо и более подвижно, определяется закономерностями строения и развёртывания текста...» [2, с. 176]. Е. Л. Ляпичева относит текстовые поля к понятийным (концептосфере) [3, с. 39]. В. П. Абрамов называет также семантическое и метафорическое поле художественного текста. Семантическое поле художественного текста содержит ключевые слова, выражающие авторский замысел; слова, выбор которых отличается новизной; ритм; повтор слов и другие тропы, создающие доминирующую модальность текста [4].

В понимании текстового поля мы опираемся на точку зрения Р. М. Гайсиной, согласно которой исследовать семантические поля можно в двух направлениях: изучать его внутреннее строение и выявлять внешние связи и отношения. Внутренняя структура поля может быть представлена в статике и динамике [5, с. 36]. Статическое описание общей структуры поля связано с выделением ядра, основной части и периферии поля. Изучение поля в динамике означает «выявление тех связей и отношений,

которые возникают между единицами поля и отдельными его областями в процессе их функционирования в тексте» [5, с. 36].

На современном этапе развития лингвистики становится одной из актуальных проблема концептуализации действительности при помощи деривационных средств. Так, Т. А. Сидорова отводит важную роль в художественном тексте мотивации, поскольку, по мнению исследователя, «именно мотивация является важнейшим фактором формирования эстетически значимых деривационных смыслов» [6, с. 358]. В тексте морфемы могут приобрести символический статус, могут подвергнуться вторичной концептуализации, что усиливает их роль в актуализации эстетически значимых смыслов: «Морфемы, как и слова, могут не только передавать ту или иную информацию, но и сигнализировать об информации, явно не выраженной, но подразумеваемой автором (в этом случае и возникают имплицитные смыслы)» [6, с. 360].

В подтверждение высказанного тезиса Т. А. Сидорова анализирует словосочетание из романа Е. Замятина «Мы» *довременная смерть*, в котором наводится сема «насильственная». В узуальном словосочетании *преждевременная смерть* актуализируется оппозиция: естественная смерть (по старости, болезни) и случайная. Формируется текстовый смысл: в Едином Государстве даже смерть predetermined. Таким образом, префикс до- объективирует внутрисловный деривационный смысл, обусловленный нарушением системных синтагматических связей морфем в слове.

В то же время значимыми в тексте являются лексические и лексико-грамматические средства – словоупотребление, образование авторских метафор и метонимий, изменение привычных семантических и грамматических связей между лексическими и фразеологическими единицами.

Текстовые поля тесно связаны с языковыми полями. В зависимости от природы исходной единицы, лежащей в основе семантического поля, учёные выделяют категориальные типы поля – процессуальные, предметные, признаковые и др. Р. М. Гайсина трактует семантическое поле с глагольным ядром как предикатно-актантное [5, с. 34]. Предикатно-актантные поля являются разновидностью семантических полей, поэтому главная задача при их построении – выявить средства выражения того или иного понятия через предикаты и актанты.

Мы смоделировали предикатно-актантные поля с семантическими инвариантами «дать жизнь кому» и «лишить жизни кого» и спроецировали их на текст

А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» [7; 8]. Выбор этого произведения обусловлен тем, что в нём была вскрыта система насилия в послереволюционной России и показано трагическое существование человека, находящегося на грани жизни и смерти. Писатель обращает внимание на то, что кровавые культы минувших времён кажутся невинною шуткой против новой империи и её культа.

Цель статьи – на основе произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» смоделировать фрагмент текстового семантического поля с инвариантом «лишить жизни кого», представленный зоной объекта.

Изложение основного материала исследования. В зону объекта входят следующие лексические единицы вторичной номинации: кролик, овцы, ягнята, стадо, помол, пачка, пушечное мясо и др.

Автор комментирует зооморфную метафору «насекомые», которую использует Ленин в статье «Как организовать соревнование». В этой статье провозглашалась общая цель власти и её грандиозная задача – очистить Россию от ... «всяких вредных насекомых» (т. е. людей). Так была найдена метафора уничтожения. К насекомым Ленин относил: а) «всех классово-чуждых», б) «рабочих, отлынивающих от работы», например наборщиков питерских партийных типографий» (т. 1, с. 37).

Способы очистки от насекомых Ленин в этой статье предвидел разнообразные. Предугадывая основные направления кары, он «предлагал нахождение лучших мер очистки сделать объектом соревнования “коммун и общин”» (т. 1, с. 37), что в дальнейшем и будет сделано по всему Архипелагу ГУЛАГу.

В произведении «Архипелаг ГУЛАГ» посредством текстовой метафоры человек – животное (кролик, благородный кролик) реализуется целый комплекс смыслов:

покорность заключённых: *Но захват слишком велик – со всей Кольмы согнали слишком много кроликов, следователи не справляются, и большинству привезённых предстоит умереть, так и не дождавшись первого допроса* (т. 2, с. 354); *Таких, как он, [Тэнно], Воробьёв [т. е. свободолюбивых, убеждённых беглецов], ГУЛАГ и Органы не знали в своё среднее время – время кроликов. Такие арестанты встречались только в самое первое советское время, а потом уж только после войны* (т. 3, с. 135);

слабость духа подследственных: *Потому, надо думать, не существовало такого перечня пыток и издевательств, который в типографски отпечатанном виде вручался бы следователям. А просто требовалось, чтобы каждый следственный отдел в заданный срок поставлял трибуналу заданное число во всём сознавшихся кроликов* (т. 1, с. 107);

стремление приспособиться к обстоятельствам: *Благоразумный кролик не должен так [смело] поступать. А что если именно у этого Чингули лежит сейчас твой дело и именно от него зависит виза на помилование?* (т. 1, с. 439–440);

замедленность прозрения заключённых: *Но наступает предел, когда уже не хочется, когда уже противно быть благоразумным кроликом. Когда кроличью голову освещает общее понимание, что все кролики предназначены только на мясо и на шкурки, поэтому выигрши возможен лишь в отсрочке, не в жизни* (т. 1, с. 440);

беззащитность / обречённость заключённых: *И как сытая свора собак рвёт большого худого линючего кролика, так набрасывается эта голубая свора на несчастного Бабича, когда-то полярника, когда-то героя, а теперь доходягу, покрытого язвами* (т. 2, с. 349).

Описывая подвергшихся насилию безвинных, покорных и бесправных людей, А. И. Солженицын опирается также на образы ягнят и овец: *Карающее же наше следствие добирало до заданных цифр за счёт ягнят (тут доносы соседей помогли очень): у того почему-то на квартире стояли немцы – за что полюбили его? а этот на своих дровнях возил немцам сено – прямое сотрудничество с врагом* (т. 3, с. 15); ср. в составе сравнения: *Мы, полтысячи, не бросились на стрелков, не смяли их, а все повалились ничком и так, уткнувшись лицами в снег, в позорном, беспомощном положении, в это крещенское утро дольше четверти часа лежали как овцы...* (т. 3, с. 71).

Человек для тоталитарной власти – **составляющее стада, скот, пушечное мясо, расстрельный материал:** *Без них [военнопленных] Пятьдесят Восьмая была обескровленное обезверенное стадо* (т. 3, с. 231); *«Бессильное стадо»* (т. 3, с. 271); *...да и жаждали генералы пролить кровь: без крови не победа, без крови не будет этим скотам [заключённым] науки* (т. 3, с. 284); *Теперь социалистов забирают в тюрьму целыми ссылками (например, Уфа, Саратов), судят всех вместе, гонят на бойни Архипелага – стадами* (т. 1, с. 80). Слово сочетание гнать стадами передаёт насильственное передвижение больших групп людей, низведённых до уровня животных. В контексте употреблены рядоположенные метафоры: *гнать стадами – гнать на бойни Архипелага, замыкающиеся на лексеме убой* (ср. словарное толкование «спец. Убийство скота, зверя, птицы на мясо с промысловой целью» (9, т. 4, с. 445)): **стада – бойни Архипелага – убой:** *«Фрэнк! Слушай – и не отвечай. Это – конец. Нас везут на убой! Фрэнк!»* (т. 2, с. 360). С помощью лексемы убой, употребляемой по отношению к заключённым, писатель приводит читателя к мысли о том, что бойни Архипелага – не такое уж и фигуральное сочетание, поскольку места заключения были превращены в настоящую голгофу.

В произведении функционирует фраза **пушечное мясо** ‘солдаты, обречённые на бессмысленную гибель’: *Утеряв, забыв, не нуждаясь помнить первоначальный замысел, немцы осенью 43 г. приняли решение посылать русское пушечное мясо... на Атлантический вал, против французского и итальянского Сопротивления.* В других контекстах А. И. Солженицын использует сочетание пушечное мясо в буквальном смысле, что достигается синтаксическими средствами. Буквализованное словосочетание распространяет предикат со значением перемещения и, с грамматической точки зрения, является обстоятельством образа действия, при этом для фраземы возможность такой синтаксической позиции исключена: *Так потерян был последний ускользающий смысл этого горького добровольчества: отправляли их пушечным мясом против союзников да против французского Сопротивления* (т. 1, с. 247). Аналогичный контекст зафиксирован в произведении «В круге первом»: *Ему шёл тридцать восьмой год, а был он – ничто, солдат-грузин, съёженный в шинельке от сибирских морозов и везомый пушечным мясом на фронт* (т. 1, гл. 1–25).

В тексте функционирует производное, которое входит в отфраземное гнездо с вершиной *приговорить к смерти кого* 'вынести приговор: смертная казнь', – субстантиват *приговорённый* (мн. *приговорённые*): *С первой задачей – этапировать их по ночной улице в НКВД, справились так: каждого приговорённого сопровождало пятеро. Один нёс фонарь. Один шёл впереди с поднятым пистолетом... Ещё один шёл сзади, нацелясь приговорённому в спину* (т. 1, с. 418). В этом же значении лексема во мн. числе употребляется у В. Шаламова и В. Гроссмана: *На расстрел. Мы приговорённые. Мы лежали в кузове трёхтонки скрючившись, уткнувшись в колени, в спины друг друга* (В. Шаламов. Колымские рассказы); *И вот смотрю и не верю: неужели все мы – приговорённые, ждущие казни?* (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

О низведении человека до уровня неодушевлённых предметов свидетельствуют метафора *помол* (*помол ЧК, Особотделов и Реввоентрибуналов*) и метонимии *пачка, расстрельный* (*расстрельный материал*): *От рёва ли эмиграции, что это ей «подарок», прояснилось, что и эта мера – не лучшая, что зря упускался хороший расстрельный материал, а на той свалке мог произрасти ядовитыми цветами* (т. 2, с. 367).

В контексте происходит отождествление человека и материала (цинично названного как *хороший*), предназначенного для уничтожения (ср. *материал 1* «вещество, предмет, сырьё, применяемые для какой-л. цели» (9, т. 2, с. 235)).

В «Словаре русского языка» лексико-семантический вариант *помол 2* определяется как «смолотые зёрна» (9, т. 3, с. 283), таким образом, метафора основывается на признаках деформации, утраты целостности, интенсивности деструктивного процесса и наведении лексико-грамматической семы одушевлённости. Усиливает картину массовых репрессий по всей стране употребление в синтагме аббревиатур, выполняющих функцию субъектов расправы (приём метонимии), во мн. числе: *Мы сознательно обходим здесь всю ту большую часть помолы ЧК, Особотделов и Реввоентрибуналов, которая связана была с продвижением линии фронта, с занятием городов и областей* (т. 1, с. 41). Обесцененная человеческая жизнь уподобляется *пачке*, то есть «стопке однородных сложенных или связанных предметов» (9, т. 3, с. 35). Значение одушевлённости лексическая единица реализует в четвёртом значении, в функции наречия *пачками* «разг. группами, партиями, следующими одна за другой» (ср. *людей расстреливали пачками*). Однако писатель заостряет ситуацию убийства, употребляя единицу в первом значении в позиции Вин. падежа: *И ещё один гласный процесс проиёл – и ещё одну пачку расстреляли...* (т. 1, с. 405).

Объекты террора автор, используя метонимию, называет *расстрелами*: *В те динамичные годы не ржавели в ножнах сабли войны, но и не пристывали к кобурам револьверы кары. Это позже придумали прятать расстрелы в ночах, в подвалах и стрелять в затылок* (т. 1, с. 292–293).

Превращают человека в однородную массу при помощи символических *мельниц* и *мясорубок*: *Невидимые весы качались в воздухе над разводом. На одной их чаще громоздились все знакомые призраки: следовательские кабинеты, кулаки, палки, бессонные стойки, стоячие бок-*

сы, холодные мокрые карцеры [...]. Но всё это было – не мгновенно, это была перемалывающая кости мельница, не могущая зажать сразу всех и пропустить в один день (т. 3, с. 240); *Голубые канты понимали ход мясорубки и любили его* (т. 1, с. 148); *Разумеется, те, кто крутил ручку мясорубки, ну хотя бы в тридцать седьмом году; уже не молоды...* (т. 1, с. 175).

В тексте произведения погребальным звоном звучат символические образы *косилки* (предложно-падежная форма *под косилку*) и *соломорезки*: *Эти люди [мечтатели] – цвет преждевременный, слишком тонкого аромата, вот и пустили их под косилку. В личной жизни они особенно были беспомощны: ни гнуться, ни притворяться, ни ладить, что ни слово – мнение, порыв, протест. Таких-то как раз косилка подбирает. Таких-то как раз соломорезка крошит»* (т. 1, с. 186).

Прошли века, а некоторые виды казни остались, вернее, выбор жертвы. Например, если *децимация 1* [*лат. decimatio, лат. decimus* десятый] обозначала «в древности казнь одного из 10 человек по жребию», то в XX веке жертвой выступает каждый десятый или последний (изобретение ГУЛАГа): *Я не знаю, какими именно белогвардейцами были они оба в гражданскую войну: теми исключительными, которые без суда вешали каждого десятого рабочего и поролы крестьян, или не теми, солдатским большинством* (т. 1); *Из мужиков – построение в одну шеренгу. «Кто среди вас бандиты?» Молчание. «Расстрелять каждого десятого!» И – расстреляют тут же, перед толпой* (А. Солженицын. На краях).

Лексема *последний* и предложно-падежное сочетание *без последнего* употребляются в значении «стать очередным расстрелянным»: *Но не в воле ээка остаться на нарах... Ещё б е г у т на развод, чтоб не остаться последним. (В иную пору в иных лагерях последнего – расстреливали.)* (т. 2, с. 185); *...как у фашистов: свистки! крики! – «выходи без последнего!»* (т. 1, с. 510); *В Джэзказгане перед разводом становились у двери барака нарядчики с дубинками и по-старому кричали: «Выходи без последнего!»* (Читатель давно уже понял, почему последний если и оказывался, то тут же его как бы уже и не было.)» (т. 3, с. 62–63). Сочетание *без последнего* отражает преступные реалии ГУЛАГа, является продуктом тюремно-лагерной системы уже нового времени. Ср. у Г. Жжёного в произведении «Прожитое»: *Как стадо баранов, гнали [людей] рысью, под осатанелый лай собак и улюлюканье конвоя, лихо... с присвистом и материцной. «Без последнего!..»*

Семантически ёмкой является номинация *минусник* (от *минус*), входящая в ряд синонимов «репрессированный, насекомое»: *До начала 30-х годов сохранялась и самая смягчённая форма [репрессий]: не ссылка, а минус. В этом случае репрессированному не указывали точного места жительства, а давали выбрать город за минусом скольких-то... Минусник не ходил на отметки в ГПУ, но и выезжать не имел права... Минус [выделено писателем. – А. П.] был булавкой: им прикалывалось вредное насекомое и так ждало покорно, пока придёт ему черёд арестоваться по-настоящему* (т. 3, с. 348–349). *Минусник*, он же вредное для советской власти *насекомое*, постоянно находился под карающим Дамокловым мечом напряжённого ожидания расправы. Таким образом, *минус*

представлял одно из изощрённых изобретений «властей предрежащих».

Выводы. Таким образом, система мыслей А. И. Солженицына об основах бытия формирует семантико-стилистическое единство используемых языковых средств – метафор, в том числе зооморфных, метонимий, основанных на признаках одушевлённости / неодушевлённости, процесс / результат процесса, фразеологизмов. В тексте наблюдается семантическое осложнение словоупотреблений и предложно-падежных форм. Писатель целенаправленно преобразует семантические, сочетаемостные и грамматические особенности языковых единиц и подчиняет созданные трансформации идее произведения. В перспективе намечается построение модели текстового поля с семантическими инвариантами дать жизнь кому и лишит жизни кого в произведении А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и шире – в идиостиле писателя.

Литература:

1. Новиков Л. А. Эскиз семантического поля / Л. А. Новиков // Избр. труды. Том II. Эстетические аспекты языка. – М. : Изд-во РУДН, 2001. – С. 554–570.
2. Новикова М. Л. Остранение как основа образной языковой семантики и структуры художественного текста : [монография] / Марина Львовна Новикова. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – 307 с.
3. Ляпичева Е. Л. Структура и лексическое наполнение семантического поля «Фауна» в современном русском языке (системно-структурный, когнитивный и образный аспекты) : [монография] / Елена Леонидовна Ляпичева. – Днепропетровск : Новая идеология, 2010. – 252 с.
4. Абрамов В. П. Семантические поля русского языка : [монография] / Валерий Петрович Абрамов. – М., Краснодар, 2003. – 338 с.
5. Гайсина Р. М. Межчастеречные семантические поля / Р. М. Гайсина // Исследования по семантике. – Уфа, 1988. – С. 31–38.
6. Сидорова Т. А. Концептуализация индивидуально-авторской картины мира деривационными средствами / Т. А. Сидорова // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. – Вып. 4. – М.; Архангельск, 2009. – С. 358–366.

7. Петров А. В. Предикатно-актантные поля в русском языке : [монография] / Александр Владимирович Петров. – Симферополь : ОАО «Симферопольская городская типография» (СГТ), 2012. – 320 с.
8. Петров А. В. Текстовое семантическое поле с ядром «родить 1» (на материале произведения А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ») // Мова. – № 19. – Одеса, 2013. – С. 107–111.
9. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1984.
10. Солженицын А. И. Архипелаг ГУЛАГ, 1918–1956: Опыт художественного исследования : в 3 т. / А. И. Солженицын. – М. : Сов. писатель, Новый мир, 1989.

Петров О. В. Фрагмент текстового семантического поля з інваріантом «позбавити життя кого» (на матеріалі твору А. І. Солжениціна «Архипелаг ГУЛАГ»)

Анотація. У статті на матеріалі тексту А. І. Солжениціна «Архипелаг ГУЛАГ» змодельований фрагмент семантического поля з інваріантом «позбавити життя кого», який представлений зоною об'єкта. В актантну зону входять мовні одиниці вторинної номінації кролик, стадо, помол, пачка, пушечное мясо та ін.

Ключові слова: текстове семантичне поле, зона об'єкта, одиниці вторинної номінації, семантичне ускладнення слова, авторське слововживання.

Petrov A. Fragment of the text field with semantic invariant «to deprive somebody of life» (based on the work written by Solzhenitsyn «Archipelag GULAG»)

Summary. In the article the fragment of a semantic field with the invariant «to deprive somebody of life» based on the material of Solzhenitsyn's text «Archipelag GULAG» is modeled which is presented by the object area. In the actantic zone linguistic units of secondary nomination are included rabbit, herd, grind, pack, cannon fodder etc.

Key words: semantic text field, object area, units of secondary nomination, semantic complication of words, the author's usage of the words.